

Андреа Лена Корриторе
Университет Перуджи, Италия

**Иванов-«трагик» и Кузмин-«эпикурец»:
некоторые соображения на полях черного
варианта стихотворения Вяч. Иванова
«Друзья! вам высоких веселий...»**

В рукописном отделе ИРЛИ, в фонде Вячеслава Иванова, хранится авторский рукописный вариант стихотворения «Друзья! вам высоких веселий...» (1906), который до сих пор не подвергался специальному исследованию.¹ По сравнению с текстом, опубликованным в сборнике «*Cor ardens*» (Ч. 1. 1911),² рассматриваемая версия, помимо некоторых не очень значительных вариаций, имеет особую заключительную часть из четырнадцати строк, которые расширяют и уточняют ее тему. Анализ этого стихотворения, в его целостности, позволяет более углубленно понять философско-литературный контекст, в котором оно было написано, а также исследовать некоторые мифопоэтические практики, реализованные в окружении Башни. Кроме того, размышления над этими стихами и сравнение с некоторыми стихами Кузмина, написанными в том же контексте, позволят, на мой взгляд, внести интересный вклад в дебаты, уже несколько лет ведущиеся среди ученых, о личных и творческих отношениях между Вяч. Ивановым и Кузминым.³ В данной статье я коснусь только немногих из этих аспектов.

В «*Cor ardens*» рассматриваемое стихотворение является вторым из двух (первое – «Снова свет в таверне верных после долгих лет, Гафиз!» или «Гимн»), объединенных в диптих под названием «Палатка Гафиза» и тесно связанных с первыми встречами философско-литературного кружка «Друзья Гафиза».⁴

Как известно, кружок «Гафиз», или, правильнее сказать, «Друзья Гафиза», был создан на Башне поздней весной 1906 года и просуществовал относительно недолго: первое собрание состоялось 2 мая, а последующие встречи проводились регулярно в мае–июне 1906 года в квартире Ивановых.⁵ Встречи продолжались и в летние месяцы, хотя и реже, а примерно в середине 1907 года совсем прекратились.

В отличие от собраний, проводимых по средам, собрания «Гафиза» имели интимный и инициационный характер: на них допускался только узкий круг приверженцев, которые обязывались хранить строжайшую тайну.

Состав группы был определен во время первых двух встреч и оставался неизменным, по крайней мере, до осени 1906 года. В состав «Гафиза» вошли основатели – Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал, Константин Сомов и Вальтер Нувель. На первую встречу были приглашены Николай Бердяев и Михаил Кузмин и на следующее заседание (8 мая) – Лев Бакст, Сергей Городецкий, Сергей Ауслендер и Лидия Бердяева, жена философа, которую, однако же, сразу исключили.⁶

Особенностью «Гафиза» было то, что его члены участвовали в собраниях, переодеваясь: нельзя было говорить о настоящем «Гафизе», если его члены были не в костюме. Кроме того, при поступлении они брали себе один или несколько «гафизских» псевдонимов, вдохновляясь древней западной и ближневосточной культурой, мифологией или литературой. Эти имена (Гиперион, Диотима из Мантинеи, Антиной, Renouveau, Ганимед, Аладдин и т. д.) присваивались в зависимости от функций, выполняемых различными членами кружка, или от определенных черт характера каждого участвующего, и использовались во время встреч и частных бесед, как некий секретный код, использование которого проецировало гафизитов на другой план общения и реальности. Список гафизитских прозвищ можно найти в стихотворении «Встреча гостей», написанном Вяч. Ивановым ко второй встрече, когда был определен состав группы.⁷

Кружок черпал вдохновение в творчестве персидского поэта и мистика Гафиза,⁸ жившего в XIV веке и являвшегося автором нескольких сотен поэм (Divān) с преимущественно эротико-любов-

ными (в частности, гомоэротическими) и мистико-философскими сюжетами: «Мы имеем за вдохновение персидский Гафиз, где мудрость, поэзия и любовь, и пол смешивался», – писала Зиновьева-Аннибал в мае 1906 года,⁹ подчеркивая эти четыре слова – мудрость, поэзия, любовь и пол – которые должны были вдохновлять их в размышлениях и художественной практике: философия, следовательно, искусство и эрос, в платоновском смысле поиска истины, добра и прекрасного.

Для создателей круга Гафиз был своего рода божеством-покровителем, мифическим героем мистического эроса, под защиту которого они себя ставили.

Поэтика Гафиза, с характерными для нее амбивалентностями и неразрывным слиянием светских, эротических и мистико-религиозных элементов, была особенно созвучна концепции любви Вяч. Иванова.¹⁰ Суфийский мистицизм предлагал своим последователям практику духовного совершенствования, представленную через эротическую символику, и речь шла не только об абстрактных аллегориях, поскольку суфийский мудрец не отрицал имманентную реальность, а искал в ней знаки божественного проявления. Здесь находится точка соприкосновения ивановского символизма и суфизма, и здесь причина, по которой основатели кружка выбрали поэта Гафиза как покровителя. Надо сказать, что такое видение должно было найти определенное созвучие и у Кузмина.

Ниже я воспроизведу текст автографа «Друзья! вам высоких веселий...», который хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Для обозначения этого варианта я буду использовать сокращение Д1, а Д2 будет обозначать версию, опубликованную в «Сог ardens».

Д1 – автограф Иванова, написанный на листе белой бумаги, сложенном пополам и представляющем четыре стороны. Аккуратный почерк и отсутствие стираний и исправлений (за исключением одного надписанного слова) свидетельствуют о том, что речь идет о беловике. Имеются некоторые пометки карандашом, очевидно, более поздние: оригинальные заголовки зачеркнуты, на полях некоторых строк стоят три вопросительных знака, одно слово кажется подчеркнутым. Неясно, можно ли приписать эти карандашные исправления автору.

Текст Д1, слева, сравнивается с Д2, справа. Таким образом, различия между двумя версиями, выделенные жирным шрифтом, будут очевидны. Они касаются посвящения, контекста и даты создания, двух заглавий (отсутствующих в Д2), двух слов, некоторых графических знаков и знаков препинания, а также иного расположения стихов. Последние четырнадцать строк, присутствующих в Д1, были позже исключены в Д2; эта версия фактически заканчивается многоточием. Текст воспроизводится в соответствии с современными нормами правописания.

Д1¹¹
<л. 1>

*Друзьям Гафиза**
Вечеря третья
22 мая 1906

*Дифирамб***
*Жалоба Гипериона****

Д2

Друзья! вам высоких веселий,
Венчанных тюльпаном и *лотосом*,
время
Настало...
А сердце мое так томительно,
мнительно страдает

И млеть, и молиться устало!
Вам час окрылительных хмелей,
Пленительно-нежных свирелей
Желанное, жданное время:
А мне непосильное бремя,
Умильное бремя Гафиса,
И подвиг томлений,
И горестный миг умилений...
Вплетите мне звезды нарцисса
В могильный венок асфоделей ?****

Друзья! вам высоких веселий,
Венчанных тюльпаном и *розой*,
время
Настало...
А сердце мое так томительно,
мнительно страдает –
<Д2: *пустая строка*>

И млеть и молиться устало!
Вам час окрылительных хмелей,
Пленительно-нежных свирелей
Желанное, жданное время:
А мне непосильное бремя,
Умильное бремя Гафиза,
И подвиг томлений,
И горестный миг умилений...
Вплетите мне звезды нарцисса
В могильный венок асфоделей,

* В автографе автором подчеркнуто чернилами.

** В автографе двойное авторское подчеркивание чернилами.

*** В автографе авторское подчеркивание чернилами. Оба заглавия зачеркнуты карандашом.

**** В автографе вопросительный знак поставлен карандашом.

Мне в руку вложите печальную
ветвь кипариса.

Мне в руку вложите печальную
ветвь кипариса!

#

<Д2: пустая строка>

<л. 1 об.>

Кто здесь обуянности жаждет,
? Пьет *рдяные* пряности Ваковых
зелий.*

Кто здесь обуянности жаждет,
Пьет рдяные пряности Ваковых
зелий.

Вам розы

Вам розы Ширази,

Ширази,

И грезы

И грезы экстаза.

Экстаза,

Вам солнечно-сладкие соты!

Вам солнечно-сладкие соты!

Вам Вахх бьет в кимвалы

Вам Вахх бьет в кимвалы,

И вам расточает наркозы...

И вам расточает наркозы...

Мне злые занозы,

Мне – злые занозы,

Мне лютые жала,

Мне – лютые жала,

Мне стрелы в удел от Эрота!

Мне – стрелы в удел от Эрота!

#

<Д2: пустая строка>

И каждый усладой

И каждый усладой *крылатой развязан*

Крылатой развязан

В беспечно-доверчивом круге...

В беспечно-доверчивом круге...

Я ж наг и привязан

Я ж наг и привязан

К столпу, как отмеченный узник!

К столпу, как отмеченный узник!

Эрот вас предводит,

Эрот вас предвóдит,

Мучители-друзи,

Мучители-друзи,

И каждый союзник

И каждый союзник

С Эротом жестоким,

В союзе жестоким,

И каждый наводит,

И каждый наводит,

? *Нацелившись* солнечным оком,**

Прицелившись солнечным оком,

Стрелу в мои жаркие перси

Стрелу в мои жаркие перси...

#

<Д2: конец стихотворения>

* В автографе вопросительный знак перед строкой поставлен карандашом; слово рдяные подчеркнуто карандашом.

** В автографе вопросительный знак поставлен карандашом.

<л. 2>

*Пощады, пощады!
Вы видите ль в раненом, жертвенном
персе,
В безумном, влюбленном дервише
Страдальческий отблеск упоенного
бога,
Умирающий луч Диониса?*

*Но тише, прекрасная <?>, тише!..
Чу! флейты Гафиза
Зовут у преддверий,
Поют у порога
Заветных мистерий...*

ХОР

*Чу, тень мистагога
Стучит у преддверий,
Стоит у порога
Рассветных мистерий!*

<л. 2 об. — пусто; кроме особо оговоренных в сносках случаев выделение курсивом произведено автором статьи>.

«Друзья! вам высоких веселий...» было написано, как явствует из ивановской рукописи, по случаю третьей гафизитской «вечери» (22 мая 1906). Вяч. Иванов задумал его как ответ в стихах на стихотворение Кузмина, написанное к одной из предыдущих встреч, в котором гафизитский контекст изображался в терминах, которые для Иванова должны были звучать как чрезмерно гедонистические. Это стихотворение «Нежной гирляндою надпись гласит у карниза...».¹²

Вопрос о датировке этих стихов остается открытым: несомненно, они были написаны к одной из двух встреч, предшествовавших встрече 22 мая, и, следовательно, могли быть написаны к первой встрече 2 мая или ко второй (8 мая). Две записи в дневнике Кузмина, датированные 2 и 3 мая, говорят в пользу первой гипотезы. Цитирую вторую, от 3 мая: «Вяч<еслав> Ив<анович> обиделся на Нувель за вчерашнее, и говорят, будто мое стихотворение его огорчило, выставив не совсем ту программу, какую он, и особенно Л<идия> Дм<и>триевна>, предполагали».¹³ Кажется очевидным, что дистанция во

взглядах на природу и цели Гафиза между Вяч. Ивановыми, с одной стороны, и Кузминым и Нувелем, с другой, обозначилась с самого начала, почти программно.

Но каковы были причины недовольства Вяч. Иванова? Хотя некоторые образы, использованные Кузминым в стихотворении, отсылают к теме дионисийских мистерий, близкой поэту-символисту:

Мы стояли,
Молча ждали
Пред *плющом обвитой дверью*.¹⁴
<Курсив мой — А. Л. К.>

но, в основном – это приглашение насладиться эпикурейским бездельем в компании избранных друзей:

Мы ведь знали:
Двери звали
К тайномудрому безделью.
Тем *бездельем*
Мы *с весельем*
Шум толпы с себя свергали.
С новым зельем
Новосельем
Каждый раз зарю встречали.
<...> В круге мудрых,
Любомудрых
Чаши вин не пахнут кровью.
<Курсив мой — А. Л. К.>

Однако, я хотел бы остановиться на образе пчел и ульев, куда слагается мед гафизитов, почти в конце стихотворения.

Мы – как *пчелы*,
Вьемся в *долы*,
Сладость роз там собираем.
Горы – голы,
Ульи – полы,
Мы туда свой мед слагаем.¹⁵
<Курсив мой. – А. Л. К.>

Этот же самый образ был использован Вяч. Ивановым в его сочинении: «Вам солнечно-сладкие соты!», и на нем нужно остановиться.

Метафора пчел для обозначения поэтов имеет платоновское происхождение: мы находим ее в диалоге «Ион», в котором Сократ пытается доказать рапсоду Иону, что истинная поэзия не создается как продукт технических знаний, а является результатом божественного вдохновения, священного безумия. Вот отрывок платоновского диалога:

Говорят же нам поэты, что они летают, как пчелы, и приносят нам свои песни, собранные у медоносных источников в садах и рощах Муз. И они говорят правду: поэт – это существо легкое, крылатое и священное; он может творить не ранее, чем сделается вдохновенным и иступленным и не будет в нем более рассудка <...>. Ведь не от умения они Это говорят, а от божественной силы <...> потому-то бог и отнимает у них рассудок и делает их своими слугами, вещателями и божественными прорицателями, чтобы мы, слушатели, знали, что это не они, у кого и рассудка-то нет, говорят такие ценные вещи, а говорит сам бог и через них подает нам голос.¹⁶

Таким образом, в древнегреческой традиции мед становится метафорой небесной пищи, высшей сладости, а пчелы, питающиеся им, способны совершать пророчества, создавая связь между божествами и человечеством.

Как известно, символистское искусство, в теориях Вяч. Иванова, – близко к платоновской концепции поэзии. Русский поэт очень часто возвращался к ней в статьях, написанных им в эти годы, и дал ее полное оформление в статье «О границах искусства» (1913).¹⁷ Здесь творческий процесс описывается как последовательность движений: первое, восходящее, посредством которого художник-теург вступает в общение со сферой божественного; второе, нисходящее, является творческим актом, посредством которого художник приносит в мир «семя Логоса», из которого материя будет оплодотворена и таким образом освобождена. Чтобы проиллюстрировать свою мысль, Вяч. Иванов использует метафору пчел и шмелей:

Действие художника есть уже тайнодействие, поскольку речь идет об освободительном изменении Природы и Мировой Души незримым осеменением ее семенами Духа при посредстве художественного гения, который заносит эти семена, как пчела или шмель заносит на цветы оплодотворяющую их цветочную пыль.¹⁸

По сравнению с этим, художественная концепция Кузмина, изложенная в стихотворении «Нежной гирляндой надпись гласит у карниза...», оказывается перевернутой. Он занимает позицию не мистика, а эстета: в его представлении поэты-гафизиты действительно похожи на пчел, но они собирают нектар из цветов в «долах», то есть в местах, находящихся внизу. Пчелы Кузмина находят себе пропитание в «дольнем» мире. В то время как для него «Горы – голы», он как бы говорит, что вершины, высокие места голые, бесплодные. Именно из долов, из пестрого покрывала Майи, чувственного и осязаемого (метафора феноменальной реальности), Кузмин черпает свою поэзию. Его упоение – это не божественное безумие, возвышающее и размыкающее границы его личности, а вакхическое опьянение земными радостями.

Помимо поэтической декларации, эти стихи содержат пример *Weltanschauung* Кузмина. Было уже отмечено, как на формирование его эстетической концепции повлияли идеи немецкого философа и теолога Иоганна Георга Гаманна.¹⁹ За более подробным обсуждением этого вопроса отсылаю к книге Малмстада и Богомолова, ограничиваясь лишь замечанием о том, что Кузмин принимал безоговорочно феноменальный мир, как в его высших, так и, казалось бы, низших аспектах: везде, где можно было увидеть красоту и любовь, можно было быть уверенным в их божественном происхождении. Хорошо известно замечание Штрупа в «Крыльях» (1906): «И люди увидели, что всякая Красота, всякая любовь – от богов, и стали свободны и смелы, и у них выросли крылья».²⁰

К следующей встрече (8 мая) Вяч. Иванов сочинил два стихотворения, в которых проиллюстрировал свою эстетико-философскую программу для Гафиза, и дистанцировался от кузминского эстетизма: «Встреча гостей», о которой говорилось выше, и «Гимн».²¹ Как отмечалось Шишкиным, в первом из них содержится указание для членов кружка на символический смысл гафизитского тайнства.²²

Знай: всех единая здесь сочетала вера –
В то, что божественность к нам близится *столой*
Крылато-легкою (ханжа, имам слепой,
Не знает мудрости под розовой улыбкой,
Ни тайн торжественных под поступию зыбкой,
Шатаемой хмельком, –) и что Синай любви
Нам дали голоса, поющие в крови.²³

<Курсив мой. – А. Л. К.>

Для Вяч. Иванова гафизитская мудрость, имеющая божественную природу, и торжественные тайны приближаются легкой, крылатой поступью, порой неустойчивой от хмельного опьянения.

Если упоение («хмелек») явно отсылает к Дионису, то остается выяснить, что скрывается за этой «стопой крылато-легкою». Это, конечно, цитата из Ницше, но иногда Вяч. Иванов помещает ее в контекст, в котором речь идет об Афродите. В статье «Символика эстетических начал» (1905), например, автор описывает греческую богиню любви следующими словами: «“улыбчивая”, близится легкой стопой к смертным...».²⁴ Таким образом, Вяч. Иванов поясняет своим соратникам, что приобщение к божественной мудрости, согласно вере Гафиза, происходит под знаком двух божеств Диониса и Афродиты.

Аналогичные концепции содержатся в стихотворении «Гимн», прочитанном в тот же вечер,²⁵ и в которой Гафиз описывается как мистагог, захваченный божественной и эротической манией («влюбленный, упоенный»), он же «нашептывает верным», «в слове важном и размерном», свою тайну: «негу мудрых – мудрость неги», то есть мудрость любви.²⁶

Теперь вернемся к стихотворению: «Друзья! вам высоких веселый...». В нем лирическое «я», Гиперион-Иванов, обращается к другим членам Гафиза, чтобы представить свой собственный взгляд на природу и цель группы, по всей видимости, отличный от их понимания.

Жанр сочинения в первой формулировке (Д1) становится явным в опущенном впоследствии названии: «дифирамб». Поскольку в Д2 последние стихи, в которых вступает хор, также были исключены, нельзя говорить о дифирамбе для этой версии.

В варианте Д1 мифологизированный Гафиз эксплицитно соотносен с фигурой Диониса: «Вы видите в раненом, жертвенном персе, // В безумном, влюбленном дервише // Страдальческий отблеск упоенного бога, // Умирающий луч Диониса?». Именно это сопоставление, которое исчезло в Д2, позволяет нам лучше понять точку зрения Вяч. Иванова.

Эротическая любовь, воспетая Гафизом, является для него первоизданной силой, позволяющей человечеству подняться в сферу божественного. Однако для того, чтобы любовь реализовалась как подлинный религиозный, а также этический и эстетический опыт, человек должен разрушить границы своего индивидуального «я», и тем самым умереть:

«Люби, зачинай, умирай» — триединая заповедь Жизни <...>. Ибо Любовь — Начало, и Начало — Смерть; и Любовь — Смерть, и Смерть — Начало. «Не уставай зачинать, не преставай умирать» — вот чего требует от человека Любовь...²⁷

Это ивановская эротико-мистическая концепция, тема многочисленных статей, написанных впоследствии.²⁸ Она сформировалась именно в эти месяцы и нашла в опыте и практике гафизитов своего рода лабораторию, в которой эти идеи зарождались, проверялись, разрабатывались.²⁹

Для Вяч. Иванова было неприемлемо убеждение, выраженное Кузминым в стихах «Нежной гирляндой надпись гласит у карниза...», согласно которому гафизиты нашли бы красоту в мире чувственной реальности. И по этой причине в своем стихотворном ответе от 22 мая он противопоставил две модели ценностей: это – вакхическое опьянение, то, которому предается хор друзей («Кто здесь обуянности жаждет, // Пьет рдяные пряности Вакховых зелий <...> // Вам Вах бьет в кимвалы...»); в то время как он, жертва, предназначенная для жертвоприношения («отмеченный узник»), знает, что завещание Гафиза, его учение о «мудрости неги» – это нечто совсем иное, чем чувственное сладострастие. Отсюда серия оксиморонов: «*Умильное бремя Гафиза, // и подвиг томлений, // И горестный миг умилений*» <курсив мой. – А. Л. К.>: любить значит умереть, иначе не может быть возрождения «в прекрасном», о котором говорит Платон.³⁰ У двух поэтов образы противоположны: растительная символика, используемая Кузминым, – вакхический плющ, который вводил его «к тайномудрому безделью» («Мы стояли, <...> // Пред плющом обвитой дверью <...> // Двери звали // К тайномудрому безделью»), уступает место у Вяч. Иванова растениям, являющимся распространенными символами в персидской поэзии, но в западной традиции связанным со смертью (звездам нарцисса, могильным венкам асфоделей, печельным ветвям кипариса); у Кузмина «чаши вин не пахнут кровью», в то время как у Вяч. Иванова только «голоса, поющие в крови», дают Синай любви (это в стихотворении «Встреча гостей»). В контексте Гафиза друзья проводят время, наслаждаясь чувственными удовольствиями («в беспечно-доверчивом круге»): «Вам розы // Ширази, // И грезы // Экстаза, // Вам солнечно-сладкие соты», в то время как лирическому «я» предназначены «злые занозы», «лютые жала». Именно

Дионис, бог расчлененный, принесенный в жертву, вдохновляет его, а не Вакх, бог алкогольных излишеств и оргийных безумств. «Иванов искал не Вакха, а Диониса Орфического», утверждает Проскурина.³¹

Упоение подлинной любовью может привести героя только к смерти, и эту смерть ему причиняют именно его «друзи-мучители», предводимые «Эротом жестоким». Иванов использует образ святого Себастьяна, пронзенного стрелами, обнаженного и привязанного к столбу.³² Образ стрелы любви возвращается у Вяч. Иванова несколько лет спустя в статье «Апима» (1934–1935), в котором автор выражается исключительно похожими словами: «стрела любви, которая, как святое копьё античной и христианской легенды, и смертельно ранит, и совершенно исцеляет (и по энтузиастическому восклицанию суфи Джеллаледдин-эль-Руми, “лишь опьяненный Богом знает, как убивает любовь”»)³³ Друзья, направляя свои стрелы в «жаркие перси» главного героя, открывают ему путь к возрождению на более высоком уровне существования. На это накладывается солнечная тема, на которой я не могу сейчас останавливаться. Гиперион для Вяч. Иванова – это образ Диониса Загрея, «солнца теней», чье сердце, вырванное из груди Титанами, продолжает гореть.³⁴

Однако, в дионисийских обрядах, а значит, и в их театрализованной форме хоровой трагедии, участники-хоревты причиняли смерть жертве, фигуре Диониса, чтобы получить ее в свою очередь. Хоревты считали себя одержимыми богом и, следовательно, верили, что перевоплощаются в него самого, непосредственно переживая его страдания. Это позволяло им переживать катарсис вместе с трагической жертвой и, таким образом, воскреснуть вместе с ней.³⁵ Именно поэтому в стихотворении Вяч. Иванова «Друзья! вам высоких веселий...», «заветные мистерии», о которых в последних стихах поют флейты Гафиза, воспринимаются и «друзьями-мучителями» – они же повторяют слова ликования героя по поводу свершения тайнств.

Чу! флейты Гафиза
Зовут у преддверий,
Поют у порога
Заветных мистерий...

ХОР

Чу, тень мистагога
Стучит у преддверий,

Стоит у порога
Рассветных мистерий!

В ходе жертвоприношения «друзья» заражаются божественным безумием, духовно умирают вместе с жертвой и, как и жертва, могут возродиться к новой жизни.

Последние строки, однако, были удалены из окончательной версии, опубликованной в «*Cor ardens*» (Д2). Остается ответить на вопрос: почему?

Основание Гафиза в начале мая 1906 года произошло после периода активных размышлений некоторых будущих гафизитов об «искусстве будущего». Первые три мартовские «среды» в Башне были посвящены этой теме. В частности, во время встречи 1 марта Вяч. Иванов сформулировал идею искусства, которое превратит природу и чувственный мир в живой дух:

Бог человеку завещал продолжать Его творящую работу – пересказывает Зиновьева, – и богоискание закончится в творчестве, направленном из человека в природу. Природа должна быть обогащаемая, а Ангелы будут художниками. Они будут творить миры, и все, что сотворят, будет не мертвое, а живое.³⁶

Для Ивановых окостеневшие формы феноменальной реальности должны были быть преодолены, а искусство, которое просто описывало бы их, было, по их мнению, дьявольским. «Среда» 22 февраля была посвящена именно обсуждению «о черте». По этому поводу Зиновьева заявила: «Все существующее Черт, и только Невозможное есть выход из него <...> признаю всю вселенную <...> *от Черта*».³⁷

Что касается идеала красоты, к которому должно было стремиться новое искусство, то этот вопрос был поднят на последней официальной «среде» сезона, состоявшейся 25 апреля. По этому случаю, как сообщает Зиновьева-Аннибал:

Поставил Вячеслав вопрос к какой красоте мы идем: к красоте ли трагизма больших чувств и катастроф или к холодной мудрости и изящному эпикуреизму <...>. Много виноваты в столь острой постановке ее во мне – Сомов, Нувель и их друг, поразительный александриец поэт и романист Кузьмин <так!>.³⁸

В конце этого вечера, первый «персидский, Гафисский кабачок» был назначен на следующую неделю.

Однако, как мы видели, две философские позиции, два различных отношения к существующему были представлены в группе, почти программно, с самого начала. С одной стороны, Ивановы с их дионисийской идеей счастья как: «упоеание мукою и блаженством в трагической среде»,³⁹ с другой – Кузмин, определяемый Зиновьевой-Аннибал как утонченный александриец, эпикурец, подлинный эстет, аполлоновский певец «отрешенной солнечности», способный безоговорочно отдаться радостям и красоте бытия. Возможно, Ивановы намеревались найти, в контексте Гафиза, синтез между этими двумя позициями.

Однако, после первых двух встреч Гафиза и Вяч. Иванов («трагик»), и Кузмин («эпикурец») начали чувствовать, что их разделяет непреодолимая дистанция, что разницу в их взглядах будет трудно синтезировать.

9 мая, на следующий день после второй «вечери», Кузмин записал в своем дневнике:

Я вспомнил об Вяч<еслава> Иванов<ича> экстазе, как необходимом, освещающем <так!> <придат<ке>> составе наслаждения. Я с негодованием это отвергаю в защиту наслаждения как такового, могущего привести и к экстазу, но лучше — легкому, земному, светлому, эфемерному и потому слегка грустному.⁴⁰

В последующие недели разногласия между Вяч. Ивановым и Кузминым углубились; дневник Кузмина полон записей, показывающих дистанцию между их позициями.

Апогей кризиса был достигнут в начале июня, когда, согласно рассказу Зиновьевой-Аннибал:

Идет огромный спор «за души» между Вяч<есла>вом и Кузминым. Вячеслав требует энергетике, воления преобразовательного <...>, а Кузмин покорствуется Смерти, Страсти и своим желаниям <...>. Я его определяю как ангела-хранителя Майи – покровы цветного мира, как единственно данного, любящего «эти хрупкие вещи» просто за *хрупкость* их. <...>

Но Вячеслав определяет его <...> как одержимого и сам себе неведомо творящего дело Духа Тьмы и Смерти.⁴¹

Как ни старался Вяч. Иванов убедить Кузмина и других гафизитов в правоте своей эстетической и философской программы, они сопротивлялись: «Вчера [31 мая] я проповедовал гафизитам “мистический энергетизм”. Они сердятся на “моралиста”», – жаловался Вяч. Иванов.⁴² К середине июня непонимание углубилось еще больше.

Наконец, 16 июня, сразу после окончания пятой встречи Гафиза, Вяч. Иванов записал в своем дневнике по поводу гафизитов:

...результат целой полосы жизни, протекшей под закон «соборности», намечается отчетливо: а одинок, как никогда, быть может.

Сегодня какой-то «exit». <...> «КОНЧИЛОСЬ».⁴³

Несмотря на недопонимание и разногласия, гафизиты продолжали сотрудничать еще долгое время, по крайней мере, до середины 1907 года. Отношения между Вяч. Ивановыми, Кузминым и другими гафизитами продолжались, с некоторыми трениями, но и с моментами большой близости. Следует, однако, сказать, что гафизитское стихотворение Иванова, в центре данной статьи зафиксировало изначальную дистанцию в интерпретации действительности, которая была подтверждена в опыте кружка и стала еще глубже в дальнейшем.

Остается только задаться вопросом, почему Вяч. Иванов решил удалить последние стихи в опубликованном варианте 1911 года.

Как мы видели, последние строфы рассматриваемого стихотворения намекают на то, что, хотя, возможно, и ненамеренно, «други-мучители» в конечном итоге переживают катарсис возрождения. Это оптимистичный финал. Но надежды Вяч. Иванова, еще живые 22 мая, были разрушены в течение лета. Пять лет спустя, когда Вяч. Иванов вновь приложил руку к гафизитским стихам с целью публикации в «*Cor ardens*», ему, видимо, пришлось признать эксперимент неудачным: ему не удалось переубедить гафизитов, а значит, возрождение для них (или для некоторых из них) исключено, по крайней мере, в гафизитском контексте. По этой причине раздел

«Палатка Гафиза» в «*Cor ardens*» содержит только два стихотворения: первое, «Гимн», в котором свет Хафиза наконец-то вновь зажигается спустя несколько столетий («Снова свет в таверне верных после долгих лет, Гафиз!»), и второе, «Друзья! вам высоких веселый...», в котором этот свет гаснет навсегда.

¹ ИРЛИ, ф. 607, оп. 1, ед. хр. 21, л. 1–2. Об этом тексте вскользь упомянул Н. А. Богомолов в известной статье «Петербургские гафизиты» (Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 72 и 346), хотя он не углублялся в его анализ. Черновой вариант стихотворения Вяч. Иванова был недавно опубликован мной в статье «*Fra Hāfez e Dioniso. A proposito di una variante preparatoria della poesia “Druz’ja! vam vysokich veselij...”* (1906) di Vjačeslav I. Ivanov» (Russica romana. 2022. Т. XXIX. С. 55–84). Данная статья является дальнейшим осмыслением представленных в ней результатов. В моих архивных исследованиях меня направлял А. Б. Шишкин, ему хочу выразить мою искреннюю признательность.

² *Иванов Вячеслав И.* Собр. соч. В 4 т. / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. С введ. и прим. О. Дешарт. Брюссель, 1971–1987. Т. 2. С. 342–343.

³ Об отношениях между Вяч. Ивановым и Кузминым, см. *Богомолов Н. А., Малмастад Дж.* Михаил Кузмин. М., 2013; *Богомолов Н. А.* История одной рецензии «*Cor Ardens*» Вяч. Иванова в оценке Кузмина // *Philologica*. 1994. Т. I. № 1/2. С. 135–147; *Богомолов Н. А.* В. Иванов и Кузмин: К истории отношений // *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 211–224; *Дмитриев П. В.* М. Кузмин и Вяч. Иванов: К вопросу о творческих соприкосновениях // *Дмитриев П. В. М. Кузмин: Разыскания и комментарии.* СПб., 2016. С. 29–42; *Обатнин Г. В.* Документальные крохотки к теме «В. Иванов и М. Кузмин» // *Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомоллова / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятис и М. Ю. Эдельштейна.* М., 2021. С. 125–137.

⁴ Петербургскому «гафизизму» посвящено несколько важных научных работ, которые начали выходить с середины 1990-х. См.: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 гг.: Документальные хроники. М., 2009; *Богомолов Н. А.* К истории русской газеллы // *Богомолов Н. А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2010. С. 57–63; *Богомолов Н. А.* Газеллы П. П. Потемкина и их литературная традиция // *Slavic Almanac. The South African Journal for Slavic, Central and East European Studies*. 2012. Т. XVIII. № 2. С. 225–234; *Shishkin A.* Le banquet platonicien et soufi à la ‘Tour’ pétersbourgeoise. Berdjaev et Vjačeslav Ivanov // *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. 1994. Т. 35. № 1–2 (Un maître de sagesse au XX-e siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps). С. 15–79; *Шишкин А. Б.* История «Башни» Вячеслава Иванова // *Storia della «Torre» di Vjač. Ivanov.* Рим, 1996; *Шишкин А. Б.* Северный Гафиз (Новые материалы) // *От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомоллова.* Сост. А. Лавров и О. Лекманов. М., 2011. С. 687–701; *Тюрин И. И.* Вячеслав Иванов: Между дионизизмом и гедонизмом // *Русская литература в XX веке: Имена, проблемы, культурный диалог / Ред. Т. Л. Рыбальченко.* Томск, 2003. Вып. 5. С. 8–19; *Самарин А.* «Записки Ганимеда» С. Ауслендера и Петербургские гафизиты. Магист. раб. Тартусский ун-т. Фак. гуман. наук и искусств. Отд. Славистики. Каф. русс. лит.-ры. Тарту, 2016; *Дми-*

триев П. В. Балеты Кузмина «Выбор невесты» и «Одержимая принцесса» // Дмитриев П. В. М. Кузмин: Разыскания и комментарии. С. 233–254; *Орлицкий Ю. Б.* Газзлы Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: Исследования и комментарии. Вып. 3. / Сост. С. В. Федотова и А. Б. Шишкин. М., 2018. С. 247–258.

⁵ Даты первых встреч: 2, 8, 22, 29 мая и 16 июня, приведены по юлианскому календарю.

⁶ См.: *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 142–143.

⁷ Стихотворение «Встреча гостей», датированное автором 8 мая 1906, было опубликовано только посмертно, в 1974, О. Шор. Она включила его в комментарии ко второму тому собрания сочинений В. И. Иванова. (*Иванов Вячеслав И.* Собр. соч. Т. 2. С. 738–739).

⁸ Гафиз, или вернее Хафиз, Шемс-Эддин-Мухаммед (1300–1389). В тексте придерживаюсь транскрипции, которая использовалась в начале XX в.

⁹ Цит. по кн.: *Богомолов Н. А.* Петербургские гафизиты. С. 73.

¹⁰ *Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве В. Иванова: Этика и онтология любви // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. Тарту, 1997. С. 60.

¹¹ Хочу выразить мою благодарность К. А. Кумпан и А. Б. Шишкину за помощь в расшифровке сложного почерка В. И. Иванова.

¹² *Богомолов Н. А.* Петербургские гафизиты. С. 72.

¹³ *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907. С. 140. Два главных исследователя «Гафиза» расходятся во мнениях относительно датировки стихов: Богомолов предполагает, что они были прочитаны 2 мая (Там же. С. 469, примеч. 4); Шишкин утверждает, что стихотворение было написано ко второй встрече Гафиза, которая состоялась 8 мая (*Шишкин А.* Северный Гафиз. (Новые материалы). С. 693).

¹⁴ Шишкин подчеркивает, что поэтические образы «порога» и «чаши», используемые в этом стихотворении, перекликаются с темами тайны и инициации, присутствующими в гафизитских стихах, написанных в те дни Вяч. Ивановым. В частности, порог является символом инициации, а чаша отсылает к практике агапы (Там же. С. 693). Конечно, эти образы также построены на биографических мотивах.

¹⁵ *Богомолов Н. А.* Петербургские гафизиты. С. 72.

¹⁶ *Платон.* Ион / Пер. Я. Боровского // Платон. Избранные диалоги. М., 1965. С. 262–263.

¹⁷ *Иванов В. И.* Собр. соч. Т. 2. С. 627–651.

¹⁸ Там же. С. 646.

¹⁹ См. *Богомолов Н. А., Малмастад Дж.* Михаил Кузмин. С. 98–103.

²⁰ *Кузмин М. А.* Проза. Berkeley, 1984. Т. I. С. 204.

²¹ Ольга Шор сообщает, что оба стихотворения были обозначены одним общим названием: ««Друзьям Гафиза». Вечера вторая, 8 мая 1906 года в Петробагдаде». Кроме того, первая пьеса имела еще заглавие «Встреча гостей», вторая — «Гимн». Впоследствии, это название было удалено из окончательного варианта, опубликованного в «*Cor ardens*». См. *Иванов В. И.* Собр. соч. Т. 2. С. 738.

²² *Шишкин А.* Северный Гафиз. (Новые материалы). С. 692.

²³ *Иванов В. И.* Собр. соч. Т. 2. С. 739.

²⁴ Там же. Т. I. С. 830.

²⁵ Кузмин сообщает в своем дневнике, что в тот вечер было прочитано только одно стихотворение Вяч. Иванова, которое Н. А. Богомолов в своих комментариях идентифицирует как «Встреча гостей»: «В<ячеслав> Ив<анович> читал свое стихотворение» (Кузмин М. А. Дневник 1905–1907. С. 143 и 470, примеч. 14). Я полагаю, однако, что были прочитаны оба стихотворения, имеющих общее название «Друзьям Гафиза», а единственное число можно объяснить неправильной интерпретацией рукописи или тем, что Кузмин мог думать в то время, что это было только одно стихотворение. Это подтверждается записью в дневнике от 17 мая, между второй и третьей встречей «Гафиза»: «на извозчике я опять читал Гафизовские Вяч<еслава> Ив<ановича>» (Там же. С. 149), в этот раз во множественном числе.

²⁶ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 2. С. 342–343.

²⁷ Иванов Вяч. О законе и связи (1908) // Иванов Вячеслав. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические: Статьи и афоризмы / Отв. ред. тома К. А. Кумпан. СПб., 2018. Т. I. С. 238.

²⁸ Помимо статей «Ты еси», «О любви дерзающей», «О законе и связи», см. также «Анима» (1934–1935) (Иванов В. И. Собр. соч. Т. 3. С. 269–293).

²⁹ Цимборска-Лебода указывает 1906–1907 как время, когда эротическая концепция Вяч. Иванова была отработана, но не упоминает Гафиза как место ее разработки. См.: Эрос в творчестве В. Иванова. С. 56.

³⁰ Платон. Избранные диалоги. С. 163.

³¹ Проскурина В. «Сог Ardens»: смысл заглавия и эзотерическая традиция // Новое литературное обозрение. 2011. Т. LI. № 5. С. 201.

³² Г. В. Обатнин подчеркивает, что святой Себастьян является для поэта образом мученичества Солнца. См.: Кузнецова О. А., Герасимов Ю. К., Обатнин Г. В. Вячеслав Иванов // Русская литература рубежа веков (1890–е–начало 1920-х годов) / Отв. ред. В. А. Келдыш. М., 2011. Т. II. С. 217.

³³ Иванов В. И. Собр. соч. Т. 3. С. 287.

³⁴ См.: стих. «Сердце Диониса»: Там же. Т. II. С. 236. Вяч. Иванов углубляет эту тему также в статье «Две стихии в современном символизме» (1908) (Иванов Вяч. По звездам. I. С. 185–186).

³⁵ Иванов Вяч. Новые маски (1904) // Иванов Вяч. По звездам. I. С. 51.

³⁶ Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 гг. С. 173 (письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. А. Замятниной от 2 марта 1906).

³⁷ Там же. С. 170 (письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 25 февраля 1906).

³⁸ Там же. С. 188 (письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 24 апреля–1 мая 1906).

³⁹ Там же. С. 181 (письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 24, 26 марта 1906).

⁴⁰ Кузмин М. А. Дневник 1905–1907. С. 143.

⁴¹ Богомолов Н. А. Петербургские гафизиты. С. 84 (недатированное письмо, написанное, вероятно, около 5 июня 1906).

⁴² Иванов В. И. Собр. соч. Т. 2. С. 744.

⁴³ Там же. С. 751–752.